

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В общественных науках теоретические аспекты моделирования политических процессов вызывают интерес ученых не одно десятилетие [1]. Особую остроту проблемы организации политической деятельности в электоральном поле приобрели сразу же после проведения первых демократических выборов в современной России [2].

Именно в это время в политологический лексикон вошли термины «политико-технологическая деятельность», «политический консалтинг», «политический пиар», «политический маркетинг» и ряд других. Новая терминология отражала новую парадигму восприятия электорального процесса как рынка политических услуг. Достаточно быстро возник корпус политологических текстов, в которых делался акцент на манипулятивном начале [3] в осуществлении избирательной кампании, в то время как идеологическая составляющая [4] отодвигалась на второй и даже на третий план.

Важно отметить, что классические технологии осуществления избирательной кампании, хотя и имеют общий с политическим маркетингом [5] объект воздействия, тем не менее, отличаются на сущностном уровне. Хотя с теоретической точки зрения политико-технологическая деятельность в электоральном поле и имеет теоретические корни представленные в классических политологических трудах [6], тем не менее, современная практика этой деятельности далека от моделей, во главу угла которых ставилось свободное волеизъявление граждан и классического восприятия политической этики [7].

До сих пор в политической науке нет общепризнанного толкования таких базовых понятий, как «политическая технология», «политико-технологическая

деятельность», и ряда других. Достаточно часто встречаемое определение звучит следующим образом: политические технологии – это методы ведения предвыборной кампании. В последней работе авторитетных и хорошо известных авторов Е. Малкина и Е. Сучкова дается более расширенное представление: «можно определить политические технологии как технологии подготовки и проведения избирательных и политических кампаний, политических проектов, а также технологии партийного строительства» [8]. При этом все же упускается из виду, что указанные методы могут носить как *легальный*, так и *нелегальный* характер, что существенным образом трансформирует смысловую нагрузку того или иного политического действия.

Основная проблема в формировании базовой дефиниции состоит в том, что в зависимости от конкретных условий в словосочетание «политические технологии» вкладывается принципиально разное содержание – от конкретных приемов и методик формирования общественного мнения до стратегических подходов и принципов. Кроме того, в некоторых случаях указанная дефиниция расширяется за счет указания на использование в избирательных кампаниях приемов «паблик рилейшнз» [9].

Последнее из вышеуказанного не совсем верно, поскольку термин паблик рилейшнз (от англоязычного словосочетания – *public relations*, PR) переводится на русский язык как «отношения с общественностью». PR – «это специализированная деятельность соответствующих подразделений государственных, корпоративных, политических, общественных экономических и других структур, направленная на установление взаимопонимания и доброжелательности между структурами, осуществляющими PR, и обществом, населением, группами, людьми, на которых направлена эта деятельность» [10]. Однако деятельность политтехнологов направлена, скорее, на противодействие политическим конкурентам, чем на формирование в обществе доверия к политическим акторам и политическим институтам.

В связи с вышесказанным не вызывает удивления тот факт, что термин «политическое управление» долгое время вызывал настороженность как западных, так и российских специалистов-политологов. В сознании многих политическое управление прочно ассоциировалось с манипулированием массовым сознанием и поведением в условиях тоталитарных режимов.

Не случайно сами политтехнологи предпочитают называть себя политическими консультантами, специалистами в сфере «паблик релейшенз» и т.д., хотя от этого суть профессиональной деятельности не меняется. В дальнейшем по тексту будем использовать термины, которые в большей мере описывают специфику осуществления соответствующей политико-технологической деятельности.

Политико-технологическая деятельность – это прежде всего, деятельность, основанная на использовании тех или иных приемов воздействия на сознание избирателя. При этом сами эти приемы основываются на использовании результатов прикладной социологии [11], психологии [12], а также ряда иных дисциплин. Такой междисциплинарный подход вполне оправдан, поскольку, как справедливо подметил М. Франклин, «электоральная политика – это «форум» социальных исследований, который в то же время наиболее интересен и понятен неспециалистам в области общественных наук» [13].

В политологической науке значение политико-технологической деятельности в функционировании политических институтов практически не исследовано. Процесс институционализации этого вида деятельности начался в США в 60-х годах XX века, и основателем американского политического консалтинга считается Джозеф Наполитан (который в свое время был консультантом Джона Кеннеди).

Большинство российских специалистов в сфере политико-технологической деятельности первоначально были обучены экспертами Национального демократического института и Международного республиканского института, представительства которых осуществляли свою

деятельность во многих странах, в том числе и в России. Соответственно, в нашей стране воспроизводятся американские модели политтехнологий, прошедшие адаптацию к политическим условиям транзитивного общества.

Используемый политтехнологами инструментарий разнообразен и постоянно пополняется новыми приемами. В числе основных политтехнологических инструментов и приемов деятельности упомянем:

- разработку концепции информационной и рекламно-пропагандистской кампании;
- создание имиджа политика;
- организацию встреч кандидата с избирателями;
- рекомендации и текстовки публичных выступлений;
- сбор подписей, наказов, пожеланий избирателей;
- работу со СМИ;
- производство видеофильмов, аудиороликов, фотоматериалов;
- мониторинг и контент-анализ событий;
- проведение пикетов, митингов, организацию провокаций;
- использование на выборах двойников (клонов) политического противника;
- составление психологических портретов конкурентов, союзников;
- изучение аудитории путем проведения фокус-групп, социологических опросов и т.д.;
- составление рейтинга самых влиятельных политических акторов;
- разработку партийной атрибутики;
- определение психологической совместимости внутрипартийных и общественных объединений и т.д. и т.п.

Политконсультанты по нашему мнению могут быть разделены на четыре подгруппы. Первые занимаются только политическим консалтингом — их единицы. Вторые специализируются в сфере пиара и параллельно занимаются политконсалтингом. Третьи в основном занимаются пиаром в

сфере бизнеса и иногда – политконсалтингом. Четвертую группу составляют специалисты, работающие в так называемых «центрах публичной политики».

Если представители первых трех из вышеперечисленных категорий занимаются электоральной проблематикой непосредственно перед и в ходе выборов, то политконсультанты в центрах публичной политики заняты стратегическим консультированием политиков в период между электоральными циклами (деятельность этой категории политтехнологов будет нами рассмотрена в конце настоящего исследования процессов институционализация политико-технологической деятельности в электоральном поле).

Как правило, политконсультанты объединяются в политконсалтинговые фирмы, в рамках которых происходят процессы разделения труда.

Базовыми элементами российских политтехнологий являются: административный ресурс в сочетании с «черным пиаром», а также разнообразные методы манипулятивного воздействия на электорат.

Для дискурса политтехнологов, ориентирующихся на манипулятивные методы воздействия, характерными чертами являются:

- подмена политического информирования политическим пиаром;
- использование реального и сфальсифицированного компромата вместо противоборства ценностных политических ориентаций;
- приоритет финансовых условий сотрудничества над идеологическими;
- отрицание политической философии;
- восприятия своей деятельности не как обслуживающей интересы общества, но как формы управления общественным сознанием и др.

Далее по тексту мы на конкретных примерах рассмотрим процессы институционализации политико-технологической деятельности в России и странах СНГ. Начнем рассмотрение с России, как страны, в которой политтехнологии много добились в реализации своих идей в электоральном поле.

Пик использования политтехнологий в нашей стране пришелся на последнее десятилетие XX века. В середине 1990-х гг. в России сложился антидемократический политический режим, который можно определить как *соревновательную олигархию*. Он предполагал существование определенного количества в известной степени не зависимых друг от друга кланов, коалиций, клиентел и отдельных деятелей, соперничавших за политическое влияние, собственность и иные ресурсы [14]. Не ставя задачи полномасштабного описания политических процессов, характерных для тогдашнего уровня политической культуры населения, акцентируем внимание на исследовании известного отечественного политолога Бориса Дубина [15] с весьма характерным названием «Симулятивная власть и церемониальная политика».

Но симулятивная власть и церемониальная политика находящейся у власти элиты не способны организовать эффективный электоральный процесс, и поэтому российская элита была вынуждена обратиться к услугам западных специалистов по политико-технологической деятельности. В результате в 1995 году Борис Ельцин выиграл абсолютно проигрышные президентские выборы.

Не удивительно, что впоследствии участвовавшие в выборах российские политконсультанты старались не выпячивать роль манипулятивных технологий в сфере функционирования электорального поля.

В этом контексте достаточно показательно замечание известного российского политтехнолога, президента Фонда эффективной политики Г.О. Павловского, сделанное им во время чтения открытой лекции в Инновационном образовательном лагере «Селигер-2006»: «Я считаю, что большого прока для политики политтехнология никакого значения не имеет. И, тем не менее, все-таки политика, она, есть инструменты политики, управление. Политическое управление называют политическими технологиями. Назвали, правда, очень некорректно» [16].

И далее Г.О. Павловский продолжил: «К сожалению, в 90-ые годы среди кампаний было принято нарушать все мыслимые и немыслимые законы, избирательные и уголовные. Сейчас этого не позволят. Так, вообще есть деловая этика, есть этика сама у организаторов пиар-кампаний, она тоже известна. Не допускается конфликт интересов (что нельзя обслуживать одновременно и клиента и его конкурента), не допускается публикации потенциальных данных, которые могут нанести вред конкуренту. Это тоже нарушается, но в меньшей степени. Ну и, конечно, нужна прозрачность, пока ее нет совсем. Не существуют какие-то более-менее известные организации. Не допускается также, конечно, ситуации, когда политтехнологи заменяли политиков. То есть когда политтехнолог выступает, как политик, а потом говорит, что я не несу ответственности за то, что я говорю или делаю, я вообще не политик, а политтехнолог. Это разрушает партийную систему» [17].

Применительно к политтехнологической деятельности в период выборов Президента Украины самого Г.О. Павловского, такого не скажешь [18], но об этом мы поведем речь чуть позже. Центральным феноменом современных политтехнологий, который подлежит теоретическому осмыслению в российских условиях, является их взаимодействие с силовыми структурами государства. К финансовым и пропагандистским ресурсам, возрастающая часть которых сосредоточена под контролем режима управляемой демократии присоединяется легитимное насилие, которое используется им в политической борьбе.

Согласно знаменитому определению Макса Вебера, легитимное насилие всегда монополизировано государством; но лишь в авторитарных и тоталитарных режимах легитимное (а потому ненаказуемое) насилие используется как политический ресурс.

Если политтехнолог способен влиять на действия силовых структур государства или, напротив, органы разведки, охраны или, скажем,

нарконтроля способны влиять на действия политтехнологов, помогая одним и мешая другим, – демократия в опасности.

Сращивание политтехнологий не с финансовыми и информационными, но и с силовыми ресурсами государства представляет серьезнейшую угрозу, с которой сталкиваются новые демократии» [19].

С точки зрения исследователя из Санкт-Петербурга М.Б. Горного, именно деятельность таких американских организаций, как Фонд Сороса, Фридом Хаус, Фонд в поддержку демократии, и вызывает тревогу российского правительства, считающего, что программы, финансируемые этими организациями, реализуемые НКО в Грузии и Украине, и вызвали «цветные» революции. Представляется, что это не так: поддержка от американцев, безусловно, сыграла определенную роль, но никак не была решающей. Решающим оказалось:

- слабость власти и раскол властных элит;
- массовое недовольство не только структур гражданского общества, но и всего населения деятельностью правительства;
- достаточно сильная ориентация СМИ, НКО на либеральные и демократические ценности. В отличие от России, в этих странах не было 1993 года, т.е. там еще верят демократам [20].

После того как в России была сформирована система «управляемой демократии», необходимость в масштабном применении политических технологий резко снизилась поскольку такого рода технологии востребованы только в условиях конкуренции. И не случайно политолог Рубанов В.А. в связи с указанными изменениями политической ситуации высказывает пожелание по изменению дискурса политтехнологического сообщества: «У нас есть два типа элиты: политическая и технократическая. Между ними – пропасть. Хорошо бы, если политическая элита начала бы общаться с технократической. Поэтому я считаю, что задача честных политтехнологов

не привести, грубо говоря, быдло к урнам, а побороться именно за технократическую элиту. К сожалению, ни одна партия этими проблемами не занимается» [21].

Достаточно показательны, что, отвечая на вопрос: чего можно ожидать от избирательных кампаний 2007-2008 годов, президент группы политконсалтинговых компаний «НИККОЛО-М» Екатерина Егорова заявила: «Возможно, эти годы не станут периодом, когда политконсультантам можно будет работать и зарабатывать. Возможно, и 2012 год таким не будет, и даже 2016-й. Мы пока не можем понять, то ли это конец выборной эпохи, то ли начало невыборной» [22].

После сужения рынка политтехнологических услуг, связанного с принятием руководством страны концепции «управляемой демократии», часть политтехнологов переориентировалась на организационную и методологическую поддержку мероприятий, направленных на противодействие всевозможным политическим угрозам действующей власти. В частности, специалисты по пиару стали раскручивать и креативно сопровождать прокремлевские молодежные движения «Идущие вместе», «Наши», «Молодая гвардия», «Местные» и др. «Креатив», о котором идет речь, зачастую сопровождается уничтожением книг (как это было с писателем К. Сорокиным), навязчивым преследованием неугодных дипломатов и политиков.

При этом коммуникативный дискурс основывается на использовании «языка вражды». К примеру, французский политолог Мадлен Ватель следующим образом описывает одно из мероприятий «Наших», в котором принял участие известный журналист Михаил Леонтьев: «В течение трех часов звучали яростные речи. Против США, которые «хотят дестабилизировать наше государство», против «нищей Грузии», против ВТО, без которой Россия может обойтись, против «олигархов, которые за границей собирают силы оппозиции». Эти речи совпадают с тем, что говорит

президент Путин, и с тональностью манифеста «Наших», проникнутого ностальгией по великой империи.

Разделение на «врагов» и «друзей» является одним из грубых пропагандистских приемов. При этом не может быть места толерантности, а политическая культура находится на столь низком уровне, что даже не выдерживает критики. К примеру, начиная с июля 2006 года, активисты движения «Наши» на регулярной основе делали попытки срыва публичных выступлений посла Великобритании в РФ Энтони Brentона [23]. Комиссары прокремлевского движения грубо прерывают выступления британского посла, требуя от него извинений за участие в «экстремистском форуме «Другая Россия». При этом «нашисты» получают информацию о передвижениях посла не иначе как от спецслужб, в противном случае они бы не могли знать, в каком самолете он летит и в какой гостинице останавливается. В приведенном случае мы видим низкий интеллектуальный уровень как организаторов политтехнологических провокаций, так и их исполнителей, пытающихся цензурировать распространение в современной России тех или иных идей.

Переориентация политтехнологов с участия в электоральных кампаниях, возможных только в условиях демократического общества, на антидемократические практики подавления оппозиционных движений вполне вписывается в рамки «идеологического» дискурса, ориентированного на примат финансовых интересов над моральными нормами. Сказанное отнюдь не означает исчезновение политтехнологов с российской политической арены в середине первого десятилетия XXI века.

Вопрос не в исчезновении уже институционализированной в глазах политической элиты технологии, а в степени ее востребованности. Востребованность вышеописанных приемов политической «борьбы» актуальна, скорее, для регионального уровня выборов, нежели для общенационального [24].

В некоторых ситуациях политтехнологи ориентировались не на достижение победы того или иного кандидата или партии, а на срыв выборов. К примеру, масштабная акция «пенсионная забастовка» была проведена в ходе региональных выборов в Свердловской области 8 октября 2006 года. Акция была направлена на «срыв выборов, путем снижения явки избирателей пенсионного возраста».

Группа активистов во главе с депутатом Госдумы Александром Баковым, буквально забросала свердловских пенсионеров листовками с призывом обходить стороной избирательные участки. Для верности листовки прямо указывали: «Кто проголосует, тот предатель». Депутат Баков (принадлежит к фракции «Единая Россия») обещал пожилым людям, что путем бойкота они якобы добьются повышения своей пенсии втрое. Свердловская прокуратура не нашла в действиях г-на Бакова преступления.

«Все публикации содержали явные признаки морального шантажа, эмоционального, психологического воздействия на избирателей пенсионного возраста, – отметила г-жа Застрожная. – После такой массовой акции каждый третий избиратель, к примеру, обратившийся ранее с заявлением о голосовании на дому, отказался от него. Общая явка на выборах 8 октября была существенно снижена по сравнению с выборами прошлых лет приблизительно на 20–25 процентов. А по одному из округов выборы были признаны несостоявшимися по причине недостаточной явки» [25].

Таким образом, приходится констатировать, что практика действий политтехнологов в современной России продемонстрировала крайне тревожное отсутствие у значительной части электората понимания сути демократических норм. Как автор отмечал выше, специфической особенностью политтехнологий, которые сегодня преобладают в России, является их *негативная направленность*. И это очень опасно. Опасно, прежде всего, тем, что не связанная политическими целями власть быстро формирует свои собственные цели и стремится к их реализации.

«Когда каждый вертится в своем кругу, общество распадается на маргинальные группы. В России, к сожалению, отсутствует традиция диалога - и на бытовом, и на парламентском уровне, а сейчас к тому же прекратился диалог между народом и властью. На смену дискуссиям пришли политтехнологии. Демократия есть не что иное, как обмен мнениями. Без него не прийти ни к какому согласию» [26]. Для серьезного диалога нужны, по крайней мере, две вещи: плюрализм идей и культурная привычка, навык диалога.

Не случайно представители интеллигенции крайне негативно оценивают роль политико-технологической деятельности в контексте долговременных интересов развития общества. К примеру, главный редактор журнала «Искусство кино» Даниил Дондурей считает, что «вся власть, ну, это касается, конечно, не только украинских, но и российских событий, почему-то убеждена, что политтехнологии могут заменить мировоззренческое состояние общества. Заменить то, что люди вообще серьезно думают о жизни, о власти, о своей стране, о будущем. Кажется, что приедет пара гениальных парней, и за небольшие, в несколько десятков миллионов долларов, деньги заставят людей полюбить Родину, «Единую Россию». Это получается. Но хочется сказать: «Поверьте, на очень короткий срок, а заканчивается это большими бедами». Если мы не знаем, что происходило в последние 15 лет в украинском обществе, то откуда возьмется понимание? Так же как мы не знаем, что происходит в любимом Казахстане, мы не знаем, что там происходит, или в той же любимой Армении. Политтехнологии никогда не доведут до добра» [27].

Именно произошедшая в Украине «оранжевая революция» продемонстрировала банкротство политтехнологического дискурса отечественных политконсультантов, в значительной мере ориентированного на методы грубой пропаганды. Отметим, что и на стороне «оранжевой коалиции» работали российские политтехнологи, однако ориентированы они были на стимулирование активности масс «снизу». Ориентация на сетевые

технологии была не столько модной технологией, но и реальным выходом из информационной блокады, осуществлявшейся значительной частью традиционных медиа.

Подведем итоги. Констатируя сам факт существования процессов институционализации политико-технологической деятельности в электоральном поле, мы, тем не менее, оставляем в стороне полномасштабный анализ трендов развития указанных структур. Указанная проблема требует дополнительных исследований. Подтверждением данного тезиса служит тот факт, что, к примеру, в Украине мнения экспертов по поводу оценки динамики развития неправительственных аналитических центров поделились фактически пополам: 49,1 % опрошенных считают, развитие центров прогрессирует, 48,2% – процесс не прогрессирует [28].

В конечном счете, как известно, именно практика является критерием истины для любого нового явления политической жизни. Во многом на этическую ориентацию политико-технологической деятельности оказывает влияние существующая в обществе атмосфера доверия к базовым политическим институтам. «Черные» и «белые» политические технологии отражают картину политической жизни, а в демократических обществах она находится в постоянном изменении.

Литература

1. Каракозова Э. Моделирование в общественных науках. М., 1986; Компьютерное моделирование социально-политических процессов / Под общ.ред. О.Ф. Шаброва. М., 1994; Шабров О.Ф. Системный подход и компьютерное моделирование в политологическом исследовании // Общественные науки и современность. 1996. № 2.
2. Амелин В.Н., Устименко С.В. Технология избирательной кампании. М., 1993; Технология и организация выборных кампаний: Зарубежный и отечественный опыт / Под ред. Комаровского В.С., Иванова Г.И. -М., 1993; Как победить на выборах. Методическое пособие по организации

- избирательной кампании / Центр прикладных политических исследований ИНДЕМ. М., 1993.
3. Ковлер А.И. Выборы-93: освоение методов политического маркетинга // Человек, политика, культура: Взгляд через призму политического участия. Тамбов, 1994. С.29-40; Жмыриков А.Н. Как победить на выборах: Психотехника эффективного проведения избирательной кампании. Обнинск, 1995.
 4. Ильин М.В. Политико-технологическая подсистема государственного управления // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. Вып. 5. С. 16-27.
 5. См.: Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. - М., 1999.
 6. См. к примеру: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
 7. См. к примеру: Бакшановский В., Согомонов Ю. Игра по правилам: Политическая этика в гражданском обществе. М., 1991.
 8. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М., 2008. С. 24.
 9. См.: Блэк С. Паблик рилейшнз. М., 1990; Комаровский В.С. Связь с общественностью – «паблик рилейшнз» – государственной власти и управления. Алматы, 1997.
 10. Ольшанский Д.В. Политическая психология. СПб., 2002. С.555-556.
 11. См.Скок А. Социальные технологии, теоретические и методические основы проектирования и внедрения. М., 1997.
 12. См. Зазыкин В.Г. Психология эффективности теледебатов // Телевидение в избирательных кампаниях. М., 1996; Сащенко Н.П. Психологические особенности массового сознания избирателей // Телевидение в избирательных кампаниях. -М., 1996.
 13. Franklin M.N. The decline of class voting in Britain: Changes in the basis of electoral choice, 1964-1983. – Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 2.

14. См. Гельман В. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Второй электоральный цикл в России 1999-2000 гг. / Под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. - М.: Весь мир, 2002.
15. Дубин Б. Симулятивная власть и церемониальная политика // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.
16. Павловский Г.О. Открытая лекция ...
17. Павловский Г.О. Открытая лекция ...
18. Он же. Революции вовремя не дали в морду // Независимая газета., 2004. 7 декабря; Он же. Революция, ее вожди и технологии // Эксперт. 2004. № 46. С. 26-30; Рябов А. Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 1; Полет валькирий. Интервью с Г. Павловским // Эксперт. 2005. № 9. С. 70-71; Тимофеевский А., Ольшанский Д. Остановить 1916 год // Эксперт. 2005. № 16. С. 84-88.
19. Щербак А., Эткинд А. Указ.соч.
20. Там же. С. 58.
21. Рубанов В.А. Формирование политики технологической модернизации и её влияние на содержание предвыборной борьбы / Доклад на VIII Международной научно-практической конференции «Новые избирательные технологии», Москва, 6-7 июля 2006 года. М.: ИТАР-ТАСС. 2006.
22. Цит. по: Беккер В. Политконсалтинг или агитпроп? Интервью Е.Егоровой // Политический журнал. 2006. 19 июня.
23. Craig O., Alderson A., Womack H. The rotten heart of Russia // Sunday Telegraph, 2006, 11.12.
24. Зырянов С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ): автореф. дис.... докт. полит.наук. Ростов-на-Дону, 2008.
25. Цит. по: Красилова Н. ЦИК требует строже карать за срыв выборов // Новые Известия. 2006. 1 декабря.

26. Аракелян А.Г. Отсутствие диалога порождает насилие // АиФ. 2004. № 41.
27. Цит. по: Качкаева А. Телевизионное мифотворчество // Радио Свобода. 2004. 6 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/programs/tv/2004/tv.120604.asp>. -Загл. с экрана.
28. Горный М. Фабрики мысли и центры публичной политики: исследовательская деятельность (на примере Петербургского центра «Стратегия» // Фабрики мысли и центры публичной политики: исследовательская деятельность: Сборник статей / Под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2006. С. 9.

Иванов В.Н.,
г. Челябинск

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЕГО ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ

Электоральный цикл 2011– 2012 гг. положил начало новому этапу в политическом развитии России. Он характеризуется рядом особенностей, анализ которых представляет очевидный научный интерес.

Прежде всего, сами выборы – парламентские 2011 г. и президентские 2012 г. – имеют ряд отличительных черт, в частности: масштабное использование политическими акторами социальных сетей в Интернете в качестве мобилизационного ресурса, **активное** участие молодежи, падение популярности «партии власти» «Единой России», массовые политические акции граждан между парламентскими и президентскими выборами, усиление гражданского контроля за процессом голосования. Выборы завершили определенный этап в политической жизни страны, а именно функционирование политической системы с декоративной оппозицией при высокой пассивности гражданского общества.